Утренняя прогулка
или утки у ручья и подростки возле гастронома

Вскоре после приезда в Германию я вспомнил, что где-то прочитал, будто дикие гуси из Казахстана зимуют в этой стране, где-то в Федеральной земле Северный Рейн-Вестфалия. Я решил проверить это и отправился как-то зимой вдоль Рейна на север. Где-то севернее Дюссельдорфа, недалеко от города Клеве, на границе с Голландией мне пришлось убедиться в достовернрости информации о месте зимовки гусей. Тысячи птиц сидели прямо на земле, без всяких намеков на гнезда, бесстрашно ожидая наступления весны, чтобы улететь в Казахстан, а потом вновь вернуться сюда. И так всю жизнь, пока хватает сил для перелёта

С утками – другая игра. Они отсюда вообще не улетают. Зимуют здесь.

Мой дом находится примерно в полторы сотни метров от ручья, впадающего в Рейн возле города Вормс, где я и живу. Ручей не велик, но утки облюбовали его, видимо, корма им здесь хватает, ведь ручей если иногда и замерзает, то только на несколько дней. Во всяком случае, я могу наблюдать за утками прямо из своего окна круглый год.

Недалеко от моего жилища, возле мостика через ручей расположены корпуса дома престарелых, утки постоянно шныряют здесь, потому что сидящие вдоль ручья на скамейках пенсионеры обильно их подкармливают. И уткам хорошо и пенсионерам -забава. Почти идиллия.

Меня тут, конечно, никто не подкармливает, я появляюсь здесь каждое утро по другой причине: здесь проходит маршрут моих ежедневных прогулок, так что я тут лицо примелькавшееся, пенсионеры меня узнают: улыбаются, здороваются.

На дворе весна. Уже в конце февраля у уток начинаются брачные игры, которые протекают иногда довольно активно, резко меняя привычную идиллию, так как селезни ведут себя агрессивно, атакуют уток, видимо, демонстрируя таким образом силу и добиваясь благосклонности своих избранниц.

Прогуливаясь однажды вдоль ручья, я увидел двух старушек, сидящих на скамейке, одна из них своей палочкой отгоняла селезня, агрессивно хватавшего у её ног за шею одну из уточек. Я извинился и посоветовал бабусе:

- Lassen sie ihn, er kriegt sie doch.[1]
- Aber er tut ihr doch weh![2]
- Sie tut ihm auch weh. Das nennt man Liebeskummer, gnädige Frau.[3]

---

[1] Оставьте его. Он её всеравно настигнет.
[2] Но он же причиняет ей боль.
[3] Она тоже делает ему больно. Это называется любовная тоска, уважаемая.

Несмотря на то, что я как всегда, старался оставаться в вежливой тональности, старушка посмотрела на меня, как на сумасшедшего, но селезня отгонять перестала. Удовлетворенный, я тихо и медленно, чтобы не потревожить завтракавших уточек, которым и без меня досаждали настойчивые ухажеры, отправился домой, к своему компьютеру.

Уходя, из-за спины услышал:

- Sieht ja auch nicht mehr jung aus, der Mann. Grüßt immer höflich, wahrscheinlich ein Spaziergänger.[4]

- Ja, aber genauso beklopft wie die heutigen Jugendlichen.[5]

Продолжения диалога я уже не слышал. Приближаясь к дому, увидел перед расположенным рядом гастрономом небольшую группу молодых людей. Подростки. Слух резанул русский мат. Земляки значит. Один из подростков, как потом оказалось самый грамотный в компании, отделился от группы, вальяжно подошел ко мне и, сплюнув на пол сигарету, развязно спросил:

- Entschuldigen Sie, kann man hier селёдка kaufen?

Я утвердительно кивнул. Мой визави после этого повернулся к своей компании:

- Вот видите, козлы, я же вам говорил, что по-немецки тоже «селёдка».

Солнце стояло уже довольно высоко. Меня ожидал утренний кофе и письменный стол. Прогулка завершилась. Начинался очередной рабочий день.

Роберт Корн

---

[4] Мужчина-то тоже не первой молодости. Всегда вежливо здоровается. Наверное, один из гуляющих здесь.

[5] Да, но такой же бестолковый, как и современная молодежь